

УДК 316.334.3:321
ББК 60.561.32
Ш 47

С.А. Шенгелая,
старший преподаватель ЧОУ ВО «Ростовский институт защиты предпринимателей», г. Ростов-на-Дону, тел.: 89889955401, e-mail: zmeyus78@mail.ru

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется генезис институциональных отношений общества и государства в постсоветский период. Особый упор делается на изучение процессов развития гражданской ответственности и гражданского активизма в современной России. Автор делает выводы, что необходимо развитие институциональных механизмов общественного диалога, которые, в свою очередь, минимизируют социальные конфликты и переведут процессы социально-политической радикализации в мирное и конструктивное русло.

Ключевые слова: общественный диалог, социум, государство, государственная политика, институциональные отношения, гражданская организация.

S.A. Shengelaya,
Senior Lecturer of the Rostov Institute of Businessmen Protection, Rostov-on-Don, ph.: 89889955401, e-mail: zmeyus78@mail.ru

GENESIS OF THE INSTITUTIONAL RELATIONS OF SOCIETY AND STATE IN MODERN RUSSIA

Abstract. The genesis of the institutional relations of society and state during the Post-Soviet period is analyzed. Special emphasis is placed on studying developments of a civil liability and civil activism in modern Russia. The author draws a conclusion that there is a need to develop the institutional mechanisms of public dialogue. They, in turn, will minimize the social conflicts and will transfer processes of socio-political radicalization to the peace and constructive course.

Keywords: public dialogue, society, state, state policy, institutional relations, civil organization.

В XXI веке российское общество столкнулось с вызовами, для решения которых необходима интенсификация сотрудничества государственных органов и субъектов гражданской сферы, нахождение национального консенсуса по основным направлениям экономического и социально-политического развития. По мнению О.Э. Бессоновой, «в настоящее время Россия переживает великую трансформацию,

...происходит переход от монархического принципа построения государства к демократическому, то есть осуществляется преодоление сакральности власти и формируется механизм равноправного диалога в обществе» [1; 142].

Однако в современном общественном пространстве практически отсутствует диалоговое пространство, взаимопонимание и доверие между социальными субъектами,

которые могут с разных позиций, мирно и конструктивно обсуждать наиболее насущные проблемы российского общества и государства, предлагать новые варианты развития страны. Представители разных социальных и экономических групп, гражданских организаций, органов власти, бизнес-структур не всегда готовы к общественному диалогу и не осознают его как насущную социальную необходимость в отношениях между государством и гражданским обществом.

Мировая практика и политический опыт российской истории показывают, что отсутствие общественного диалога является одним из значимых препятствий для модернизации общества и экономики. Традиционно в России важные политические решения принимаются кулуарно и в узком кругу. В этом случае общество узнает о принятых политических решениях только *post factum*, когда поздно что-либо менять. В результате возникает общественное недовольство.

Государство само по себе не в состоянии решить не только инфраструктурные, но и общественно значимые задачи. Поэтому правильно организованные институциональные механизмы общественного диалога позволяют получать выгоду как государству и бизнесу, так и обществу в целом, обеспечивая институциональные возможности для структурирования двусторонней связи между гражданами и государством. Общественный диалог должен начинаться при принятии всех важных государственных решений.

В современном российском социуме баланс институциональных отношений между гражданским обществом и государством является деформированным, с явным и существенным сдвигом преимущества и приоритетов в сторону государства. Значимость гражданского общества недооценивается. В российском общественном сознании государство

традиционно рассматривается как ключевой гегемон публичного пространства, определяющий правила и нормы социальных взаимодействий. При этом государство фактически не обязано придерживаться собственных правил, даже если формальное законодательство указывает на юридическое равенство всех субъектов права.

Исход спора государства с гражданскими организациями в российском суде завершается, как правило, победой государственных органов в подавляющем большинстве случаев. И дело не в высокой юридической квалификации государственных обвинителей, поскольку неправительственные организации часто тоже нанимают хороших юристов. Также не всегда государственная сторона отстаивает решение, реализация которого объективно хороша для социума.

В российских институциональных и социокультурных условиях судебная система занимается не столько исполнением правосудия (как это происходит в западных странах), сколько отстаиванием интересов государства даже в тех случаях, когда это неэффективно или не нужно. Такое отстаивание интересов является скорее имплицитным. Это не является обязанностью судейского и прокурорского корпуса, зафиксированной в законодательстве или в каких-либо формальных нормах. Скорее ментальность, особенности профессиональной социализации и правосознания российских чиновников делают отечественное правоприменение и судебную практику весьма своеобразными. Социокультурные стандарты и нормы поведения, доминирующие в силовых структурах, исходят из необходимости отстаивания интересов государства во всех случаях, если только этой поведенческой стратегии не противоречат коррупционные интересы тех или иных групп чиновников.

Широкие дискреционные полномочия административных органов

отражают глубоко укорененное в российской культуре социальное недоверие к любым формам гражданской организации, которые не носят государственного характера или не осуществляются под государственным контролем и патронажем. В советское время патерналистское и этатистское отношение отражалось в четкой вербальной формуле: «органы не ошибаются». Ее использование в общественном сознании подразумевало высокую степень доверия к государству и, соответственно, недоверие к тем, кто оказался в поле пристального государственного внимания, даже если реальные социально-политические процессы или опыт реального знакомства с теми, кого преследовали советские карательные органы, противоречило официально выдвигаемой идеологии. В.Ф. Кормер назвал этот феномен советской жизни принципом «двойного сознания» [2; 72]. Хорошо замечая всю несправедливость, которую совершали государственные органы, люди, тем не менее, либо недооценивали их масштаб и негативный эффект, либо переоценивали объективность и справедливость правовых процедур. Когнитивный диссонанс часто решался методом приведения к «общему идеологическому знаменателю» посредством разрыва социальных связей: с «врагами народа» разрывались старые дружбы, их осуждали в рабочих коллективах, от них отказывались родственники и т.п.

По мнению Раймонда Арона [3; 97], поскольку в советском обществе любая деятельность является государственной и подчиненной идеологии, всякое прегрешение в любой сфере сразу же становится идеологическим проступком: все проступки отдельного человека политизируются, идеологизируются и жестоко наказываются. Отсюда логичным выглядят «показательные процессы» и «народные обвинители», которые, как правило,

требовали более жестких наказаний, чем даже государственное обвинение. И общество, и государство были едины в стремлении к большим репрессиям. Об этом свидетельствовали митинги и выступления в поддержку репрессий, соответствующие письма в редакции советских журналов и газет, добровольная помощь советской карательной системе (феномен «стукачества») и т.п. Эти социальные реакции во многом были добровольным выбором людей и не всегда подкреплялись какими-либо материальными или социальными благами для доносителей. Они отражали широко распространенное отношение в общественном сознании к социуму как «крепости», которую осаждают «внешние враги» и которым помогают «враги внутренние».

Предполагалось, что обвинитель как «государственный человек» должен заведомо обладать большими правами, чем обвиняемый, особенно если это обвиняемый в тяжелых (в соответствии с законодательством советской эпохи) преступлениях. Государственное обвинение должно стремиться не столько к достижению справедливости и законности как таковой, сколько к наказанию обвиняемого или его перевоспитанию. От обвиняемых ожидалось, что они будут не столько защищаться и использовать имеющиеся легальные процедуры судебной защиты (например, посредством судебных апелляций), сколько нравственного и идеологического перерождения. Ожидалось, что обвиняемые будут каяться в своих прегрешениях и просить прощения. В этом смысле Г. Маркузе [4] определял советский режим как «воспитательную диктатуру».

Если же обвинению мешали существующие нормы права, имплицитно предполагалось, что обвинитель может интерпретировать их в свою пользу или даже отменить во имя достижения важных государственных интересов и целей.

Правовая процедура рассматривалась скорее как препятствие для отправления правосудия. На этом фоне интересы отдельного человека во внимание не принимались. Л. Ионин [5] называет эти социальные процессы «деидентификацией», когда человек как бы перестает «отражаться» в зеркале общества.

И государство, и социум в целом были меньше настроены на защиту интересов людей, чем на защиту государственных интересов. Высказывать позицию, не соответствующую государственной политике, часто представляло опасность для жизни. Кроме того, такие люди часто подвергались преследованию на низовом социальном уровне, на них доносили, об их проступках сообщали. Слабость горизонтальных социальных связей свидетельствовала о соответствующей слабости доверия в советском социуме. Б.В. Дубин [6; 269] описал советское общество как «двойственность социального устройства, разделение жизни на открытую, общую «для всех», и скрытую, предназначенную для немногих, для «избранных». Двойственными были и нормы повседневного поведения, формы мысли, коды коммуникации советских людей. Привычными становились двоемыслие и двоеверие».

Институциональная слабость советской системы стала одной из причин ее распада. Административное давление не способствовало развитию социального сцепления. Конфликты не разрешались, а «загонялись внутрь». Как пишет Б. Фливерберг [7], «основной причиной утраты жизнеспособности коммунистических обществ могло быть успешное подавление в них открытого социального конфликта. В интерпретации Фуко подавление конфликта — подавление свободы, а привилегии участия в конфликте — часть свободы. Если общества, подавляющие свободу, есть общества угнетающие, то может быть и социально-политические теории,

маргинализирующие конфликт — также потенциально угнетающие... Чем демократичнее общество, тем больше оно позволяет группам опеределять собственные способы жизни и легитимирует конфликт интересов между ними. Политический консенсус никогда не сложится путем нейтрализации групповых обязательств, пристрастий и интересов».

В современном общественном пространстве инерция государственного обвинения во многом сохраняется. Это проявляется как в низком проценте оправдательных приговоров [8], так и в широких дискреционных полномочиях чиновников. Во время проверок виновных обычно находят сразу. Чиновник может запретить хозяйствующему субъекту распоряжаться балансовым счетом или имуществом без всяких судебных постановлений. Он может приостановить деятельность организации на основании закона «О противодействии экстремистской деятельности» [9].

Неравенство сторон (государственных органов и негосударственных акторов) в нормативно-правовых отношениях и, особенно, в судебных процедурах, является одной из основных причин роста общественного недовольства и жесткой критики со стороны гражданских активистов и неправительственных организаций.

Как показывают региональные социологические исследования [10], значительная часть населения отмечают важность поддержания общественного диалога между властью и гражданским обществом: 35,5% считают, что необходимо «чаще проводить встречи с населением», 31,9% полагают, что нужно «чаще отчитываться перед населением в СМИ», 22% — что нужно «отчитываться перед общественными организациями». Согласно данным исследований, примерно 33,4% респондентов никогда не обращаются в органы власти и рассчитывают

только на свои силы. Эту автономистскую характеристику общественного сознания можно охарактеризовать как рост «социальных эксклюзий» [11].

Деформированная ситуация отношения государственных органов и гражданских организаций не может считаться институционально устойчивой. Общественное недовольство, а также постоянное противодействие гражданских субъектов подрывает ее. Необходимо также отметить установившиеся в обществе напряженность и недоверие в отношении политической системы. Характер артикуляций, в пределах которых жители рассуждают об актуальных проблемах, свидетельствует о недовольстве людей действующей властью. Государство как основной институт политической системы общества не удовлетворяет потребностей граждан в обеспечении справедливого порядка (в общей сложности более 80% опрошенных в Ростовской области согласны с тем, что государство может стать источником несправедливости). Около половины опрошенных респондентов указывают на то, что государство либо постоянно, либо довольно часто проявляет несправедливость по отношению к гражданам. Они указывают на коррупцию, бюрократизм и отчужденность государственной и местной власти [12].

Гражданское общество не может быть выстроено «по вертикали», а чиновник не может выполнять функции надзирателя или «смотрящего» за гражданской активностью. Власть не может отстаивать какие-либо классовые или групповые интересы, даже если это интересы чиновничества. Постепенное осознание этого факта правящими элитами станет социально-психологической основой роста уважительного отношения к гражданским организациям со стороны чиновников, а также признания за гражданским сектором равноправного партнерского

статуса. Такая трансформация создаст позитивные институциональные предпосылки для развития механизмов общественного диалога, которые, в свою очередь, минимизируют социальные конфликты и переведут процессы социально-политической радикализации в мирное и конструктивное русло.

Как подчеркивают российские политологи, «люди начнут верить в демократию, если убеждены в ее практической полезности для себя лично. В противном случае демократия в глазах людей теряет всякую ценность, и с ней при случае расстанутся так же легко, как в свое время распростились с социализмом и СССР» [13; 78]. Развитие общественного диалога приведет к тому, что российский социум станет не формальной, а фактической демократией, институционально устойчивой к внешним вызовам и угрозам.

Общественный диалог особенно важен в условиях многоконфессиональности социальной действительности и многообразия религиозных верований, которых придерживаются российские граждане. Общественные дискуссии могут носить острый характер, но необходимо четко структурировать публичные слушания и внимательно выслушивать все мнения, особенно по таким вопросам, которые вызывают большой общественный резонанс.

Необходим переход к новой парадигме социального развития на основе сотрудничества и отказа от использования административного принуждения и перевода государственно-общественного взаимодействия в соответствии с горизонтальной организацией.

Общенациональный проект — это эффективное средство и инструмент непосредственного вовлечения населения в решение общероссийских задач. Реализация долгосрочных целевых программ, как правило, невозможна без участия

общественных организаций, СМИ и гражданского общества в целом.

Задача общественного диалога – открыть дорогу новым идеям, привлечь гражданское общество (молодежные, женские, ветеранские организации, деловые круги, профессиональные союзы и объединения), всех неравнодушных людей к решению важнейших вопросов развития страны, сделать так, чтобы профессиональный и творческий потенциал граждан, их гражданские

инициативы были востребованы в стране. Это подразумевает социологическое выявление и движение в направлении развития институтов общественного диалога как рычага, который не только положит конец социальным конфликтам, но и преобразует существующие социальные ценности, структуры, системы, которые иницируют, усугубляют, стимулируют и оберегают устойчивое развитие российского социума от негативных вызовов и потрясений.

Примечания:

1. Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 130–142.
2. Кормер В.Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // *Вопросы философии*. 1989. № 9.
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Республика, 1993. С. 97.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Республика, 1995.
6. Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011. С. 269.
7. Фливберг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // *Социс*. 2007. № 4.
8. Куликов В. Процент невиновных // *Российская газета: столичный выпуск*. 2009. 2 дек.
9. О противодействии экстремистской деятельности (с изменениями и дополнениями): федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. М., 2015.
10. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Васьков М.А. Законодательное собрание Ростовской области в зеркале социологии (аналитический доклад по результатам социологического исследования). Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2013.
11. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. 2000. № 6. С. 8–13.
12. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Быкадоров Ю.Г. Социологический портрет молодежи Ростовской области. Ростов н/Д: МАРТ, 2012. С. 177–199.
13. Кортунов А.В., Лунев С.И. Демократия и внешняя политика России // *Проблемы политического развития России в условиях «неконсолидированной демократии»*: материалы науч. конф. М., 1999. С. 78.

References:

1. Bessonova O.E. The general theory of institutional transformations as a new picture of the world // *Social studies and the present*. 2006. No. 2. P. 130–142.
2. Kormer V.F. Double consciousness of intellectuals and pseudo-culture // *Problems of Philosophy*. 1989. No 9.
3. Aron R. Democracy and totalitarianism. M: Respublika. 1993. P. 97.
4. Marcuse H. One-dimensional man. M. 2003.
5. Ionin L.G. Sociology of culture. M.: Respublika. 1995.
6. Dubin B.V. Russia of zeros: political culture – historical memory – everyday life. M.: ROSSPEN. 2011. P. 269.
7. Flyvbjerg B. Rationality and power: once again about case-study // *Sotsis*. 2007. No. 4.

8. Kulikov V. The percentage of the innocent // Rossiyskaya Gazeta: capital issue. No. 5053 of December 2, 2009.
9. The Federal Law of July 25, 2002. No. 114-FZ “On Countering Extremist Activity” (with changes and amendments).
10. Barbashin M.Yu., Barkov F.A., Vaskov M.A., Volkov Yu.G., Serikov A.V., Chernous V.V. The Legislative Assembly of the Rostov region in the mirror of sociology (the analytical report on the results of sociological research). Rostov-on-Don: YURFIS RAS. 2013.
11. Borodkin F.M. Social exclusions // Journal of Sociology. 2000. No. 6. P. 8–13.
12. Barbashin M.Yu., Barkov F.A., Bykadorov Yu.G., Vaskov M.A., Gvintovkin A.N., Kramarova E.N., Kolosov V.L., Posukhova O.Yu., Sadko D.O., Serikov A.V., Solodovnik L.V., Chernous V.V., Chuev S.V. The sociological portrait of youth of the Rostov area. Rostov-on-Don: MART. 2012. P. 177–199.
13. Kortunov A.V., Lunev S.I. Democracy and the foreign policy of Russia // Problems of the political development of Russia under “non-consolidated democracy”: Proceedings of the scientific conference. M., 1999. P. 78.